

ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА НЕГАНОВА

кандидат культурологии, редактор редакционно-издательского отдела, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова (Кострома, Российская Федерация)
cultland@yandex.ru

НАЗВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КОСТРОМСКОЙ НИЗИНЫ

В XIX – начале XX века на юго-западе Костромского края, в говорах низовья реки Костромы, бытовали местные названия сельскохозяйственных участков, на которых возделывался хмель. Условия климата и особенности почв Костромской низины издавна благоприятствовали занятию жителей ряда селений Мисковской волости Костромского уезда хмелеводством. В соответствии с существованием различных способов владения земельными участками, на которых выращивался хмель, различали названия *хмельники* (общее название) и *надельные хмельники* (хмельники на участках, выделявшихся в пользование отдельным крестьянским семьям). Введение налогообложения потребовало учета земель, занятых хмелем. Крестьяне договариваются о местной системе мер площади надельных хмельников, в результате появляются термины *копейка*, *денежка*, *полушка*, *пирог*, *рубль* и др. На примере лексемы *копейка* показаны отличия, связанные с площадью участка, в бытовании рассматриваемых терминов в пределах одного культурного ландшафта. В середине XIX века копейка как мера хмельников делилась на денежки и полушки, на пироги и полупироги. Эти же названия носили занятые хмелем участки земли соответствующих размеров. К началу XX века репертуар названий изменяется. В статье обращается внимание на слова с начальными компонентами *пол-*, *полу-*. Как показывают наблюдения, в этих словах первоэлементы имеют мерную семантику, реализуют свое изначальное значение – ‘половина чего-либо’: *полкопейки* – ‘половина копейки’, *полупирог* – ‘половина пирога’. Рассмотренные термины имеют изоглоссы, но география их бытования не выходит за пределы культурного ландшафта Костромской низины. Появление данных терминов в речи жителей края и их репертуар связывается с местными хозяйственно-экономическими особенностями в определенные периоды истории.

Ключевые слова: говоры Костромской области, названия сельскохозяйственных угодий, надельные хмельники, копейка, полкопейки, полупирог

Обустройство традиционного крестьянского хозяйства предполагает освоение земельных участков для занятий полеводством, огородничеством и животноводством. В зависимости от специфики сельскохозяйственных угодий формировался репертуар их названий. Народные названия сельскохозяйственных участков стали объектом изучения в работах таких авторитетных диалектологов, как В. П. Строгова, Ю. И. Чайкина, Е. Н. Полякова. Современный исследователь Л. А. Инютина рассматривает термины данной лексической группы в аспекте пространственной картины мира [3], [4]. В монографии Л. П. Михайловой «История края в народном слове» прослеживается связь славяно-русских и прибалтийско-финских по происхождению слов в лексике подсечно-огневого земледелия русских говоров Карелии [5: 122–136]. Названиям земельных участков крестьянского хозяйства посвящен ряд публикаций диалектологов, работающих по программе «Лексический атлас русских народных говоров», например В. Н. Гришановой [2], Л. П. Батыревой [1] и др.

В костромских говорах, по нашим данным, зафиксировано около трехсот лексических единиц данной тематической группы. Наряду

с лексемами, имеющими широкую географию (например: *веретейка*, *веретя*, *выгарь*, *гон*, *займище*, *запашка*, *заполища*, *заполье*, *кулига*, *ляда*, *лядина*, *новина*, *наволоок*, *паль*, *план*, *пожня*, *припашь*, *распашка*, *репище*, *росчисть*, *чистка*, *чищоба* и др.), немало таких слов, ареалы которых не выходят за пределы Костромского региона. Например: *гарьба* – ‘выжженное под пашни место’ (Вохомский р-н), *горб* – ‘поле, на котором имеется возвышенность’ (Костромской р-н), *городни'к* – ‘луг, на котором пасут скот’ (Красносельский р-н), *заозе'рица* – ‘сенокосное угодье за озером’ (Костромской, Мантуровский р-ны), *испо'лина* – ‘сенокосное угодье за селом’ (Сусанинский р-н), *раскорче'вка* – ‘пашня на очищенном от леса месте’ (Чухломский р-н) и др. Семантика таких слов, как правило, связана с природными характеристиками конкретной местности и социокультурной и хозяйственно-трудовой деятельностью живущих здесь людей. Показательны в этом отношении названия земельных участков, занятых хмелем.

Условия климата и особенности почв ряда районов Костромского края благоприятствуют выращиванию хмеля. Несмотря на то что вплоть до начала XX века это была наиболее

доходная сельскохозяйственная отрасль¹, хмелеводством традиционно занимались лишь жители низовья реки Костромы. Характеризуя ландшафт Костромской низины, Г. Еремин, член Костромского научного общества краеведения, отмечал: «Все пространство поймы заполнено лугами, болотами, озерами и старицами. Редко встречаются гривы или повышения. <...> Населенные пункты расположены на небольших возвышенных плато»². Описание этих мест встречается в произведениях Н. А. Некрасова. В знакомом каждому с детства стихотворении «Дедушка Мазай и зайцы» поэт, изображая одно из располагавшихся здесь селений – деревню Малые Вёжи, отмечает не только ее местоположение: «Домики в ней на высоких столбах (Всю эту местность вода понимает, Так что деревня весною всплывает, Словно Венеция)», но и то, что жители деревни издавна занимались выращиванием хмеля: «Исстари хмель в ней родится на диво...» [7: 387].

Земельные участки, на которых выращивали хмель, местные жители называли хмельниками. Располагались они на возвышенных местах. «...Хмельниками заняты т. н. “гривы”, т. е. полосы более высокого рельефа, где поляя вода не поднимается выше 1½–2-х аршин...», – указывал исследователь А. Ковальковский, член Костромского научного общества по изучению местного края³. Это были участки, поросшие лесом или специально посаженными деревьями: «Хмельники... разводят обыкновенно в местах, поднимаемых весенним разливом рек Костромы и Волги, и притом всегда в защите лесов, или же нарочно для этой цели насаженных деревьев»⁴. Особенности рельефа Костромской низины и местные условия выращивания хмеля отразились в бытовании в юго-западных костромских говорах слова *хмельники*⁵ – от общерусского *хмельник* ‘участок, занятый хмелем’. В семантике местного термина выявляются дополнительные значения: а) ‘расположенный на более возвышенном участке низкого берега, идущего грядой’: *У нас на горе хмельники свои были, хмель-то растили* (д. Куниково) – иллюстрация из картотеки Костромского областного словаря (ср.: «Под хмельники обыкновенно подыскивали участок с наименьшим весенним разливом»⁶); б) ‘поросший деревьями’: *Хмель-то? В хмельниках рос – к реке. (– У самой реки?) Нет, там деревья не растут – одне кусты. Хмельники где деревья* (информант 1928 г. р., с. Мисково, в 1952 г. выселена в Калининградскую обл., с 1957 г. живет в г. Костроме).

Вместе с тем, как указывают источники 2-й половины XIX – начала XX века, жители ряда селений Мисковской волости Костромского уезда употребляли также такие термины, связанные с хмелеводством, как *рубль*, *копейка*, *денежка*, *полушка*, *пирог*, *полкопейки*, *полупирог*⁶. Почти все эти лексемы представлены в нормативных словарях, но обозначаемые ими реалии не отно-

сятся к сфере сельскохозяйственной деятельности: первые четыре определяются как денежные единицы⁷; слово *пирог* – «печное изделие из теста с какой-л. начинкой»⁸; в БАС, с пометой *обл.*, слово *полпирога* приводится в составе устойчивого словосочетания *полпирога хлеба* (БАС, 9; 1212).

Согласно данным СРНГ, в севернорусских говорах известны лексемы *денежка* (Костром., Волог., Яросл.), *полушка* (Костром., Яросл.), *пирог* (Костром., Волог.), они употребляются для обозначения земельного участка, надела. Так, слово *денежка* жители Кологривского уезда Костромской губернии употребляли в значениях «участок земли, выделяемый крестьянину» и «условная мера земли, которую крестьянин обрабатывает и оплачивает»; в Ярославской губернии термин использовался в значениях «узкая, но удобная для обработки полоса общинного поля» и «пашня, составляющая половину душевого надела» (Рyb.)⁹. Слово *полушка* – «небольшой участок земли; мера земли, равная половине загона» представлено в СРНГ как костромское (Кологрив.) и ярославское (СРНГ, 29; 171); слово *пирог* со значением «в дореформенной России участок земли, приходившийся на одну ревизскую душу» – как вологодское (Кадн.) (СРНГ, 27; 40–41).

Термин *копейка* имел более широкое распространение: он зафиксирован в говорах Костромской, Вологодской, Ярославской, Ленинградской областей (СРНГ, 14; 288). В современном русском литературном языке лексема толкуется как «единица денежного счета, равная одной сотой рубля» и «мелкая разменная монета этого достоинства» (БАС, 5; 1385). В этимологических словарях это собственно русское слово представлено как уменьшительно-ласкательное суффиксальное производное от словосочетания *копейная денга* – изначально на монете был изображен всадник с копьем, как и сейчас (большинство исследователей, в частности А. И. Соболевский, Ф. К. Миклошич, А. Брюкнер, М. Фасмер, Ф. Славский, слово *копейка* связывают с существительным *копье*)¹⁰. Вместе с тем в севернорусских говорах лексема *копейка* употреблялась и бытует доньше с иными, чем в литературном языке, значениями. В. И. Даль приводит следующие толкования: «*кстр.* тягловый участок, *влгд-вельс.* полоса, загон, делимый на денежки и полушки»¹¹. В СРНГ даются значения: «земельный надел на одну душу» (Кологр. Костром., Черепов. Новг., Рyb. Яросл.); «участок луга, бывший наделом нескольких хозяйств» (Борович. Ленингр., 1937–1940) (СРНГ, 14; 288).

В картотеке Костромского областного словаря лексема *копейка* зафиксирована со значениями: 1) ‘земельный надел на одну душу’ – *На две копейки – на две души.* (Кологр., д. Маслениха); ср.: «*твр. (сел. Кимры)...* копейка, душа, работник» в словаре В. И. Даля (Даль, 2; 158); 2) ‘старая единица измерения площадей, пример-

но 1 ар.' (Костр., п. Молоково). Судя по известным нам источникам, в говорах Костромской низины термин появился благодаря традиционному занятию местных жителей хмелеводством: в копейках измерялась площадь хмельников. Однако он употреблялся не повсеместно, а только в говорах селений Бугры, Бугры Малые, Ведерки, Вежи, Жарки, Куниково, Мисково, Овинцы и Спас, в остальных пяти селениях хмельники измерялись простой квадратной саженью. Скорее всего, это связано с различными способами владения участками, занятыми хмелем. По данным обследования, проведенного Костромским научным обществом краеведения в декабре 1912 года, в вышеперечисленных селениях все хмельники располагались в наделных землях – на участках, выделявшихся в пользование отдельным крестьянским семьям. Такие участки имели название *наделные хмельники*. В других селениях хмельники находились в основном на купленных или арендованных землях. Так, все хмельники деревни Шоды, около 80 % хмельников Пустыни и более половины Колгоры располагались на арендованных заливных участках крестьян Ярославской губернии¹². При оформлении договора на аренду или купчей на приобретаемую землю площадь указывалась в принятых на момент совершения сделки единицах измерения, то есть в квадратных саженях.

На наделных землях каждый домохозяин стремился расширить свои хмельники. Заручившись согласием общества, разрабатывал свободные земли. При этом количество хмельников душевыми наделами не регулировалось, и порой крестьянин при одном душевом наделе мог иметь в 3–4 раза больше хмельников, чем его сосед с 2–3 душевыми наделами. Стимулом к расширению участков было и то, что разведенные хмельники в дальнейшем никакому общественному переделу не подлежали, считались собственностью крестьянина, которую он мог продать или передать по наследству¹³. Все хмельники с указанием их размеров вносились в хмелевые книги, на основании которых рассчитывались уплачиваемые крестьянами налоги. «...Неодинаковый доход, получаемый крестьянами по случаю неуравнительного владения хмельниками, подал издавна крестьянам повод к раскладке некоторой части платимых ими казенных податей, по доходам, получаемым от хмельников каждым домохозяином. Для чего все хмельники приведены

крестьянами посредством измерения в точную известность и количество владения каждого домохозяина внесено в заведенные издавна мирские хмелевые книги, – отмечается в “Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Костромская губерния”. – По обоюдному согласию крестьяне обложили пространство одной копейки известным платежом в число податей, а потому каждый домохозяин платит за то число копеек, сколько за ним числится в хмелевой книге». Единица крестьянской меры, которая принята в расчет, называлась копеейкой, причем «пространство 1-й копейки изменяется по обществам». В Мисковском обществе «копейка... составляет 256 кв. саж.»; «в Никольском обществе, в вотчинах Спасской и Куниковской, 112, 8 кв. саж.»¹⁴; в Спасе, Вежах, Ведерках и Овинцах – 44¹⁵.

В середине XIX века копейка как ‘мера хмельников’ делилась «на денежки, полушки, на пироги (1/8 к.) и полупироги (1/16 к.)»; сто копеек составляли рубль¹⁶. Эти же названия носили занятые хмелем участки земли соответствующих размеров, так, в Мискове и Жарках «каждая копейка имеет 16 саж. в длину и 16 в ширину»¹⁷. Впоследствии репертуар названий изменяется – сужается, но вместе с тем, наряду с отмеченным ранее словом *полупирог*, фиксируется лексема *полкопейки*: в 1912 году «копейка распределялась на полкопейки, пироги и полупироги»¹⁸.

В современном русском литературном языке начальные *пол-, полу-* в сложных словах вносят значения: 1) «половина того, что обозначено второй частью» («*поль* ‘половина’»); 2) «наполовину, пополам с чем-либо другим»; 3) «не совсем, не до конца, почти» (БАС, 10; 1081). В бытовавших в говорах Костромской низины названиях участков, занятых хмелем, и мер их площади компоненты *пол-, полу-* слов реализуют свое изначальное значение – ‘половина чего-либо’: *полкопейки* – ‘половина копейки’, *полупирог* – ‘половина пирога’ (о сложных словах с начальным компонентом *пол-/полу-* в тематической группе «Ландшафтная лексика» см. в [6]). Их ареал, по всей видимости, ограничен и не выходит за пределы культурного ландшафта Костромской низины. Появление этих терминов, носящих узколокальный характер, объясняется как природными условиями края, так и местными хозяйственно-экономическими особенностями в определенные периоды истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павлов Д. П. Экономическая сторона мисковского хмелеводства // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 12. Кострома, 1919. С. 130.

² Еремин Г. Природа Костромской области. Кострома: Костром. обл. гос. изд-во, 1947. С. 22–23.

³ Ковальковский А. Хмелеводство в костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 33. Кострома, 1924. С. 89.

⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / Сост. Я. Крживоблоцкий. Спб.: Тип. И. Тиблена и К., 1861. С. 245 (далее – Материалы...).

⁵ Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.

⁶ Материалы... С. 245; Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.

⁷ См., напр.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965. Т. 3. Стб. 704–705. Т. 5. Стб. 1385. Т. 10. Стб. 1128. Т. 12. Стб. 1511 (далее в тексте: БАС, через запятую – номер тома; через точку с запятой – номер столбца).

- ⁸ Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. С. 124.
- ⁹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 7. С. 349–350 (далее в тексте: СРНГ, через запятую – номер тома; через точку с запятой – страницы).
- ¹⁰ Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 8 / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 303.
- ¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 2. С. 158 (далее в тексте: Даль, через запятую – номер тома; через точку с запятой – страницы).
- ¹² Павлов Д. П. Указ. соч. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 119.
- ¹⁴ Материалы... С. 245.
- ¹⁵ Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁶ Материалы... С. 245.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Павлов Д. П. Указ. соч. С. 121.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батырева Л. П. Наименования приусадебной земли в говорах Ивановской области (на материале письменных источников и живой разговорной речи) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 171–178.
2. Гришанова В. Н. Названия земельных участков крестьянского хозяйства в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 105–109.
3. Инютина Л. А. Лексическое выражение пространства в картине мира носителей сибирского (томского) старожильского говора XVII–XVIII веков: Монография. Новокузнецк: КузГПА, 2012. 216 с.
4. Инютина Л. А. Территориально маркированная и общерусская лексика в процессе формирования и развития лексико-семантических парадигм говора вторичного образования // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М., 2014. С. 188–203.
5. Михайлова Л. П. История слова в народном говоре. Русские говоры Карелии. Петрозаводск: КГПУ, 2004. 288 с.
6. Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика в пространстве культурного ландшафта: сложные слова с начальным компонентом пол-/полу- // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 104–106.
7. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. Т. 2 / Общ. ред. К. И. Чуковского. Л.: Сов. писатель, 1967. 703 с.

Neganova G. D., Nekrasov Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)

THE NAMES OF AGRICULTURAL LANDS IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF KOSTROMA LOWLAND

The local climate conditions and characteristic features of Kostroma lowland soils created favorable conditions for the growth and cultivation of hop, which was widely practiced by the settlers from Miskovskaya district of Kostroma county. The types of ownership on the lands occupied by hop plants were different; therefore, different names were given to these plots: *khmelniki* (a common name) and *nadelnye khmelniki* (*khmelniki* - the lands given to some peasant families to use). In order to regulate taxation, the peasants working on the hop cultivated lands agreed on the local system of area measurement, which resulted in the appearance of such terms as *kopeyka*, *denezhka*, *polushka*, *pirog*, *roubl*, etc. The lands of corresponding areas, where hop was cultivated, had the same names. The differences in terms within a single cultural landscape connected to the land area are shown on the example of the lexeme *kopeyka*. In the middle of the XIX century, *kopeyka* as a measure of the plot “*khmelniki*” was divided into *denezhka* and *polushka*, *pirog* and *polupirog*. Other agricultural lands, also involved in hop cultivation and harvesting, were referred to by the same names. By the beginning of the XX century the repertory of the names changed. In the article, the author’s special attention is paid to the words beginning with the *pol-/polu* prefixes. According to our observations, prefixes of these words have “measure” semantics with the meaning – ‘a half of something’: *polkopeyki* is ‘a half of kopeyka’, *polupirog* is ‘a half of pirog’. The terms considered in the article have isoglosses, but their geography is limited by the boundaries of Kostroma lowland cultural landscape. Appearance of these terms in the speech of local residents and their repertory is associated with the local economy and its specific features.

Key words: dialects of Kostroma region, agricultural land names, *nadelnye khmelniki*, *kopeyka*, *polkopeyki*, *polupirog*

REFERENCES

1. Batyreva L. P. Names of peasant lands in Ivanovo region dialects (based on the written sources and living spoken language) [Наименования приусадебной земли в говорах Ивановской области (на материале пис’менных источников и живой разговорной речи)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* 2008. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. P. 171–178.
2. Grishanova V. N. Names of the peasants’ land in the dialect of one village [Nazvaniya zemel’nykh uchastkov krest’yanskogo khozyaystva v govore odnogo sela]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* 2007. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. P. 105–109.
3. Inyutina L. A. *Leksicheskoe vyrazhenie prostranstva v kartine mira nositeley sibirskogo (tomskogo) starozhil’cheskogo govora XVII–XVIII vekov* [Lexical expression of space in the media picture of the world of Siberian (Tomsk’) dialect of XVII–XVIII centuries]. Novokuznetsk, Kuzbass State Pedagogical University Publ., 2012. 216 p.
4. Inyutina L. A. Territorially marked, general Russian vocabulary during the process of the lexical-semantic paradigm development [Territorial’no markirovannaya i obshcherusskaya leksika v protsesse formirovaniya i razvitiya leksiko-semanticheskikh paradig govara vtorichnogo obrazovaniya]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute]. Issue 3. Moscow, 2014. P. 188–203.
5. Mikhaylova L. P. *Istoriya slova v narodnom govore. Russkie govory Karelii* [The history of the word in the dialect. Russian dialects in Karelia]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Pedagogical University Publ., 2004. 288 p.
6. Neganova G. D. Landscape lexis in the space of the cultural landscape: compound words with the first component пол-/полу- (half) [Landschaftnaya leksika v prostranstve kul’turnogo landshafta: slozhnye slova s nachal’nym komponentom pol-/polu-]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma state university]. 2015. № 6. P. 104–106.
7. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems] / Execut. ed. K. I. Chukovskogo. Leningrad, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1967. Vol. 2. 703 p.

Поступила в редакцию 08.12.2015